

Выйдя из ресторана, Шэнь Цзя ощутил, как ледяной порывистый ветер ударил в лицо, — и сдерживаться дальше стало неважоту.

Он вытащил телефон и мгновенно набрал номер Чжоу Цзыфэя.

Ему неодолимо, до боли хотелось его увидеть.

Тоска накатила стремительно и властно, будто прибой во время шторма: ему нужно было обнять Цзыфэя прямо сейчас. Сию секунду.

— Алло, малыш, ты...

— Ты где? Я хочу тебя видеть! — перебил он, не дав тому договорить. Голос пресекся, дрогнув от захлестнувших эмоций.

В динамике раздался тихий, бархатистый смешок. Сквозь легкий шорох помех голос Чжоу Цзыфэя обволакивал нежностью:

— Сокровище мое, взгляни на другую сторону улицы.

Проехавший мимо автобус на мгновение перекрыл обзор.

Когда поток машин поредел, Шэнь Цзя поднял глаза. На той стороне, в ярком свете уличного фонаря, уже стоял Чжоу Цзыфэй. Он улыбался во весь рот, кутаясь в знакомый черный пуховик. В руке у него раскачивался бумажный пакет с логотипом кондитерской на углу — той самой, где продавали любимые сладости Шэнь Цзя.

Сердце Шэнь Цзя пропустило удар, а затем отчаянно заколотилось. К горлу подступил горячий комок, глаза зажгло от слез. Ощущение надежности и абсолютного покоя, будто его подхватили на руки над бездной, едва не заставило его расплакаться.

На светофоре таяли красные цифры.

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Едва вспыхнул зеленый, Шэнь Цзя перешел на бег. Ночной ветер взъерошил длинные пряди, заставив их всколыхнуться в воздухе.

С каждым шагом в глазах всё сильнее закипали слезы.

А когда он увидел, что Чжоу Цзыфэй сделал шаг навстречу и шире распахнул объятия, остатки самообладания окончательно рухнули. Шэнь Цзя с разбегу уткнулся в это теплое, укрывающее от всех бурь тело.

— Ого, малыш...

От такого напора Цзыфэй покачнулся и отступил на полшага, но, удержав равновесие, тут же замкнул руки на шее и плечах Шэнь Цзя. А тот цеплялся за него мертвой хваткой, словно утопающий.

Пакет с десертами опасно накренился. Цзыфэй ловко перехватил Шэнь Цзя под бедра, подсаживая и крепко фиксируя в своих руках, а бумажный кулек сгрузил на капот стоящего позади автомобиля.

— Что стряслось, сокровище?

Невзирая на любопытные взгляды прохожих, он лишь ласково поглаживал дрожащую спину Шэнь Цзя, выговаривая слова самым тихим, убаюкивающим шепотом.

Но внезапно его ладонь замерла.

В шею уткнулось что-то влажное и горячее — Шэнь Цзя еще глубже спрятал лицо в его ключицу.

— Муж... — донесся глухой, сдавленный носом шорох. — Я так скучал по тебе.

— Перекуси сначала яичным тартom, а дома сразу приготовим нормальный ужин.

Чжоу Цзыфэй протянул ему коробку и, наклонившись, застегнул на нем ремень безопасности.

Шэнь Цзя приоткрыл упаковку: внутри ровным рядком лежали четыре румяных, подпеченных до золотистой корочки тарта, от которых исходил соблазнительный сливочный аромат.

— Но... мы же хотели вместе сходить в супермаркет?

Он осторожно достал один тарт. Хотя есть и впрямь хотелось, Шэнь Цзя первым делом поднес его к губам Цзыфэй, предлагая откусить.

— Спасибо, радость моя.

Цзыфэй с улыбкой отщипнул кусочек, попутно оставив на губах Шэнь Цзя невесомый поцелуй.

Шэнь Цзя поджал губы и слизнул оставшуюся крошку — во рту разлилась нежная, едва уловимая яичная сладость.

— Уж больно поздно. Пока я тебя ждал, уже всё купил. В следующий раз непременно ходим вместе, ладно?

Шэнь Цзя недовольно промычал, но возражать не стал.

— Договорились, сокровище?

В приглушенном тусклом свете салонного плафона Цзыфэй подался ближе. Он наблюдал, как Шэнь Цзя жуёт тарт, надувая щеки, точь-в-точь как лесной зверек с орехом, и в его глазах вспыхнул темный, опасный огонек.

Шэнь Цзя повернулся к нему. К губе прилипла крошка, но сам он старался выглядеть предельно серьезно.

— Ты обещаешь?

С тех пор как Чжоу Цзыфэй перебрался к нему, Шэнь Цзя совсем лишился возможности хозяйничать: готовка, посуда, закупка продуктов — всё взял на себя Цзыфэй. И совместный поход в магазин казался Шэнь Цзя долгожданным маленьким праздником.

— Обещаю...

Окончание фразы потонуло в накрывшем его поцелуе. Недоеденный тарт тихо выпал из пальцев обратно в коробку.

Цзыфэй выпил остатки сладкого вкуса из его рта, а затем слепой заглушил салонное освещение. Внезапный полумрак дезориентировал Шэнь Цзя, а струящийся из печки горячий воздух заставил щеки вспыхнуть еще сильнее.

Когда мысли Шэнь Цзя окончательно смешались, над самым ухом раздался хриплый, грудной голос Цзыфэя:

— Ну что, малыш, как прошла встреча?

Шэнь Цзя, едва справляясь с накатившей волной жара, сбивчиво и покорно пересказал всё, о чем они говорили с Лу Хэ.

Цзыфэй удовлетворенно кивнул и похвалил:

— Мое сокровище совсем взрослое стало. Теперь самостоятельно со всем справляется.

Пальцы Шэнь Цзя судорожно сжали обивку сиденья. Прижавшись к плечу Цзыфэя, он взглянул на него сквозь пелену слез и, закусив губу, прошептал:

— А ты... ты можешь побыстрее?..

Это было невыносимо пытливо. И эти неторопливые, дразнящие ласки Цзыфэя, и шум проносящихся за окном машин держали оголенные нервы Шэнь Цзя на самом пределе.

Цзыфэй провел ладонью по его пылающей щеке, затем сдернул с себя пуховик и накрыл им бедра Шэнь Цзя.

— Ты так хорошо себя вел, — ласково, с безграничной нежностью прошептал он. — За это полагается награда.

Он приподнял край куртки и нырнул под нее головой.

Лишившись опоры, Шэнь Цзя дернулся, словно выброшенная на берег рыбешка, но натянувшийся ремень безопасности жестко зафиксировал его тело.

Забытый на консоли яичный тарт медленно остывал. Сливочный аромат сладостей в салоне постепенно уступил место совершенно иному, терпкому запаху страсти.

В этот вечер они оба получили желаемое еще до ужина.

Шэнь Цзя совершенно не помнил, как они оказались дома. В памяти осталось лишь то, как Цзыфэй заботливо вытирал его влажными салфетками, после чего веки сами собой отяжелели, и он погрузился в глубокий сон.

Проснулся он уже на диване в гостиной.

— Цзыфэй... — мгновенно позвал он, стоило лишь разлепить глаза.

Поднявшись с дивана, он едва не столкнулся в дверях с Чжоу Цзыфэем, выходящим из кухни с пиалами в руках.

— Проснулся?

Цзыфэй был в фартуке и выглядел удивительно бодрым и свежим — ни следа усталости.

— Иди мой руки, малыш. Всё готово.

Он поставил посуду и, помня про запах кулинарного чада, не стал обнимать Шэнь Цзя, а лишь мимоходом коснулся его пальцев. Убедившись, что они теплые, тут же отпустил.

Шэнь Цзя застыл, не сводя с него глаз.

Раньше он как-то не задумывался, как именно выглядел Цзыфэй перед ужином, но сегодня каждое движение этого человека будто рассматривалось сквозь увеличенное стекло.

И именно в эту секунду его накрыло острое, невероятно четкое ощущение дома.

В глазах снова защипало.

— Муж... А ты будешь готовить мне ужин каждый вечер? — тихо спросил он, подступая ближе и крепко обнимая Цзыфэя за талию.

Среди тысяч городских окон будет ли теперь всегда гореть этот единственный свет — зажженный специально для него?

Будут ли эти простые радости, эти будничные хлопоты и уют продолжаться в их маленьком гнездышке изо дня в день?

— Ну разумеется, — без колебаний отозвался Цзыфэй, тонко почувствовав вспыхнувшую тревогу.

Но последовавшее за этим: "Хотя..." — заставило сердце Шэнь Цзя ёкнуть.

— Иногда нам всё же стоит выходить на романтические свидания, как думаешь?

Цзыфэй привлек его к себе, поцеловал в растрепанную макушку и тихо усмехнулся.

Шэнь Цзя не сдержался — губы сами расплылись в светлой улыбке. Он запрокинул голову; в его блестящих от слез глазах отражался свет люстры — столько в этом взгляде было нежности и затаенного восторга.

— Правда?

Цзыфэй изогнул бровь:

— Не веришь мне, сокровище?

Шэнь Цзя порывался объяснить, но Цзыфэй наклонился и слегка прикусил его губу — шутливо, в наказание, вызвав сладостную дрожь.

— Ничего, — тихо проговорил Цзыфэй, обжигая дыханием чувствительную кожу. — Впереди у нас целая жизнь.

Он уткнулся лбом в лоб Шэнь Цзя, ласково улыбаясь:

— У тебя будет полно времени, чтобы всё проверить.

Больше не требовалось заверений. Никаких сомнений, никакой тревоги — впереди их ждала бесконечность.

Когда история с Лу Хэ осталась позади, единственной неразрешенной проблемой остался Юй Сянхан. Встреча с ним заставляла Шэнь Цзя колебаться.

— Не хочешь идти — не ходи, — уговаривал Цзыфэй, обнимая его после ночных ласк.

В этот раз Шэнь Цзя казался немного рассеянным, и лишь когда Цзыфэй с нажимом поцеловал его, он привычно ответил на ласку, доверчиво уткнувшись лицом в его грудь.

— Дело не в том, что я не хочу. Я должен поставить жирную точку. Просто... не знаю, с чего начать.

Он слушал ровный, мощный стук сердца Цзыфэя и говорил совсем тихо.

— Малыш... — Цзыфэй поцеловал его в волосы. — Просто скажи ему всё, что у тебя на душе.

Цзыфэю было больно видеть метания любимого, но в то же время в нем закипала лютая ненависть к Юй Сянхану. Тот человек когда-то подарил Шэнь Цзя иллюзию счастья, а затем безжалостно растоптал ее. Как он вообще смеет надеяться на второй шанс?

Единственное, чего желал Цзыфэй, — чтобы Шэнь Цзя сбросил с плеч этот груз и высказал бывшему мужу всю накопившуюся за долгие годы боль.

Шэнь Цзя молчал, укрывшись в его объятиях.

Разве мог он не таить обиды на Юй Сянхана?

Вот только... найдет ли он в себе силы произнести эти жесткие слова?

Он слишком привык прятать свои чувства от Сянхана. Даже после развода, когда внутри всё выгорало от гнева и несправедливости, он выбирал молчание.

Но на этот раз он больше не станет молчать.

Юй Сянхан предательски разрушил всё, предал его искренность. И он должен узнать цену своим поступкам.

Получив сообщение от Шэнь Цзя, Юй Сянхан чуть не подпрыгнул на стуле — радостный возглас едва не вырвался из горла.

Сжимая телефон, он лихорадочно думал: "Слава богу! Он всё-таки согласен встретиться! Значит, еще есть шанс!"

Невзирая на синяки, оставшиеся после драки с Чэнь Лэканом, он наспех привел себя в порядок и выскочил из дома.

Торопливо толкнув дверь отдельного кабинета, он первым делом уставился на человека, сидевшего под мягким светом лампы.

Волосы Шэнь Цзя стали чуть длиннее, щеки округлились, а цвет лица выглядел куда здоровее, чем при их прошлой встрече. В теплом свете его утонченные черты казались сошедшими с картины. Услышав шум, он спокойно поднял взгляд.

— Садись, — ровным тоном произнес Шэнь Цзя, пододвигая стакан с водой к самому дальнему краю стола.

— Шэнь Цзя... — с трудом сглотнув, попытался начать Юй Сянхан. — В тот день я встретил Чэнь Лэкана, он...

— Я знаю, — спокойно перебил Шэнь Цзя. В его голосе не было ни капли эмоций, но у Юй Сянхана от этого тона похолодело внутри. — Он твой бывший любовник. И мой родной брат.

Услышав эти прямые, беспощадные слова, Юй Сянхан ощутил, как сердце ухнуло в бездну.

— Юй Сянхан, я пришел сюда, чтобы окончательно закрыть эту тему. Возможно, раньше я выражался недостаточно ясно... или всё еще оглядывался на наше прошлое и не решался сказать то, что думаю на самом деле.

— Шэнь Цзя! — отчаянно воскликнул Юй Сянхан, голос его задрожал. — Я знаю, что виноват! Натворил глупостей, причинил тебе боль... Но я же не со зла!

На полуслове он осекся.

Взгляд Шэнь Цзя был абсолютно сухим. В нем не было ни капли сочувствия — лишь молчаливое, недоуменное изумление, словно перед ним бредил сумасшедший.

Этот взгляд без слов спрашивал: "Что за чушь ты несешь?"

Юй Сянхан судорожно сглотнул и, с трудом выдавливая слова через ком в горле, продолжил. Глаза его защипало от слез:

— Я просто хотел проверить, любишь ли ты меня еще... Я искал подтверждений! Давай... давай вернем всё, как было, а?

"Вернем всё, как было?"

Вернуться в те времена, когда они были неразлучны и смотрели только друг на друга?

Разве они не могут начать сначала?

Сквозь слезы Юй Сянхан вглядывался в родное лицо, пытаясь разглядеть в нем хотя бы тень сомнения или слабину.

Но там ничего не было.

Шэнь Цзя молча опустил глаза, длинные ресницы бросили легкую тень на щеки. Он взял стакан и сделал небольшой глоток. Его от природы чуть приподнятые уголки губ, увлажненные водой, сохраняли ту самую мягкую, нежную улыбку, которая когда-то пленила Юй Сяньхана.

Но следующие слова прозвучали как смертный приговор.

— В ту ночь, когда я впервые узнал о твоей измене, я не сомкнул глаз до самого рассвета. Я снова и снова спрашивал себя: как мы дошли до этого? Юй Сяньхан, ты правда думал, будто мне нужны были богатство и положение?

Любовь Шэнь Цзя к Юй Сяньхану всегда таила в себе жажду простого человеческого тепла — страстное желание быть принятым и любимым со всеми своими изъянами.

И когда он видел улыбку на лице Сяньхана, то мысленно верил: быть любимым — это и есть счастье. И если он отдаст всего себя, он обязательно обретет это счастье.

Но его чувства так и остались без ответа. Растрачивать себя в надежде заслужить любовь оказалось ядом, замаскированным под лекарство.

Шэнь Цзя смотрел на бывшего мужа без прежнего страха и избегания. В его глазах читалось лишь глубокое, пробирающее до костей равнодушие.

— Поверь, всё, чего я хотел с первого дня нашей свадьбы, — это тихий, надежный дом.

Пальцы Юй Сяньхана на столе судорожно дернулись. Нехорошее предчувствие ледяной волной накрыло его с головой. Ему хотелось закричать, умолять Шэнь Цзя замолчать, но тот продолжал — чеканя каждое слово, ровно и отстраненно:

— Но первым этот дом разрушил ты. И возвращаться в прошлое я больше не хочу.

Десять лет отношений, шесть лет брака... Сейчас, оглядываясь назад, Шэнь Цзя больше ничего не чувствовал.

Он даже не мог вспомнить момент, когда его сердце окончательно выгорело. Может, в те бессонные ночи после первой измены? Или во время бесконечной холодной отстраненности Сяньхана? А может, тогда, когда тот раз за разом внушал ему: "Кроме меня, тебя никто никогда не полюбит", заставляя годы жить в тени собственной ущербности?

Любовь не умирает в одно мгновение.

Она подобна фарфоровой вазе на краю стола: после каждого удара и толчка она сдвигается всё ближе к обрыву, пока наконец не падает, разлетаясь на мелкие осколки, которые уже не

собрать.

Всё прошло.

И только сейчас, выговорив всё с абсолютным спокойствием, Шэнь Цзя с удивлением понял: он отпустил это прошлое намного раньше, чем думал сам.

— Шэнь Цзя... — Слезы Юй Сянхана брызнули из глаз.

Он открыл рот, пытаясь сказать хоть что-то, но мог лишь беспомощно повторять это имя.

Уверенность, с которой он сюда шел, рассыпалась в прах. До него наконец дошло: Шэнь Цзя никогда не вернется.

Короткий получасовой разговор выпил из Юй Сянхана все силы. Впалые щеки, темные круги под глазами — всё его лицо казалось серым и мертвенным.

— Я пойду, — еле слышно прошептал он, замороженно глядя на Шэнь Цзя, который уже уткнулся в телефон.

Шэнь Цзя поднял глаза, скользнул по нему быстрым взглядом и кивнул:

— Хорошо. Провожать не стану.

И снова опустил ресницы, перебирая пальцами по экрану. Было очевидно, что переписка с Чжоу Цзыфэем волнует его несоизмеримо сильнее.

Юй Сянхан застыл на месте, как истукан. Поняв, что на него больше не обратят внимания, он тяжело побрел к выходу.

Но едва он взялся за ручку двери, в коридоре показался высокий силуэт.

Ярко-красные волосы пылали в свете ламп. Чжоу Цзыфэй был одет в такое же пальто, как у Шэнь Цзя, только другого цвета.

Заметив Юй Сянхана, Цзыфэй слегка замедлил шаг.

Сянхан, у которого не осталось сил на перепалки, попытался обойти его, но Цзыфэй

ненавязчиво преградил ему дорогу.

— Что тебе нужно? — хрипло выдавил Сянхан.

Цзыфэй не ответил. Он лишь окинул его неспешным, оценивающим взглядом с головы до ног — насмешливым и пренебрежительным, словно разглядывал жалкого шута.

Эта откровенная издевка заставила кровь Сянхана закипеть, но не успел он сорваться, как услышал тихий смехок.

Цзыфэй шагнул в сторону, освобождая проход, и, даже не взглянув больше на побежденного соперника, уверенно вошел в кабинет.

Юй Сянхан застыл, почувствовав, как леденеет кровь. Через секунду волна дикой, бессильной ярости заставила его развернуться и сделать шаг вслед за ним.

Но у самой двери он резко остановился.

Из щели полуприкрытой двери донеслись звуки.

Шуршание одежды, влажное приплавливание губ и... легкие, сдавленные вздохи, которые когда-то были ему так знакомы, а теперь жгли слух раскаленным железом.

Пальцы Сянхана судорожно сжали холодную дверную ручку до посинения костяшек, но толкнуть дверь он так и не решился.

Липкий ужас сковал его. Сердце колотилось о ребра, спину прошиб ледяной пот.

— Малыш, открой ротик пошире... — раздался хриплый, пьянеющий от страсти голос Цзыфэя.

Юй Сянхан тяжело задышал, но глаза вопреки разуму прильнули к дверной щели.

Первым, что он увидел, была крупная ладонь с четко проступающими венами, крепко держащая Шэнь Цзя за затылок. Пальцы перебирали темные шелковистые волосы. Чжоу Цзыфэй наклонил голову, демонстрируя лишь алый затылок.

Сянхан не видел лица Шэнь Цзя, но тот, прогнувшись в пояснице, запрокинул голову и судорожно цеплялся руками за плечи Цзыфэя.

А затем Цзыфэй припал к его губам в глубоком, жадном поцелуе.

Из горла Шэнь Цзя вырвался тихий, сладостный стон — звук, которого Сянхан никогда от него не слышал. Это было похоже на плач и на стон одновременно.

Цзыфэй подхватил Шэнь Цзя и усадил прямо на край стола.

Одежда Шэнь Цзя была распахнута, обнажая белоснежную талию, покрытую яркими багровыми засосами — следами вчерашней страсти. Смуглая ладонь Цзыфэя властно поглаживала его бок, подбираясь выше. Шэнь Цзя вздрогнул, выгнулся всем телом и судорожно обвил ногами бедра Цзыфэя, тесно прижимаясь к нему.

Глаза Юй Сянхана налились кровью от всепоглощающей зависти и ненависти.

Он увидел профиль Шэнь Цзя — и это выражение лица было ему незнакомо. Влажные ресницы, ярко-розовые щеки, покрасневший кончик носа... Переводя дыхание между поцелуями, Шэнь Цзя высовывал кончик розового язычка и капризно хныкал, требуя еще.

В руках Цзыфэя этот обычно сдержанный и тихий человек превратился в страстного, ненасытного котенка. Он был полностью пьян этим мужчиной, не способный отстраниться ни на миг. Стоило Цзыфэю едва коснуться его губ, как Шэнь Цзя сам тянулся навстречу, ластясь и требуя ласки.

Они продолжали целоваться, а Юй Сянхан не мог оторвать взгляда. Его бывший муж, который в постели всегда был скучным и пассивным, теперь извивался в чужих руках, расцветая пышным, порочным цветом.

Сначала Сянхана обожгла ярость, но затем ее сменила тоскливая, бессильная зависть.

Он и помыслить не мог, что Шэнь Цзя способен на такую страсть. Раньше тот лишь смиренно терпел, сжимая простыню. Неужели за десять лет он так и не узнал, каким настоящим может быть его муж?

Земля ушла из-под ног Юй Сянхана, погружая его в беспросветную тьму.

Внутри кабинета Цзыфэй с хриплым рыком расстегнул пуговицы своей куртки.

— Сокровище, хочешь своего мужа?..

Остальные слова потонули в шепоте, но Шэнь Цзя от них сладко вздрогнул.

Цзыфэй сдернул куртку и прикрыл ей бедра Шэнь Цзя, скрывая детали, но Сянхан четко услышал сухой металлический щелчок молнии.

На Шэнь Цзя сегодня были именно джинсы на молнии.

Юй Сянхан видел, как Шэнь Цзя высоко запрокинул подбородок, как на его белоснежной шее проступил нежный румянец, а кадык судорожно дернулся.

— Хочу... Хочу!

Сянхан никогда не слышал у него такого томящегося, плачущего голоса.

Цзыфэй прижал его затылок к своему плечу, полностью укрывая от чужих глаз в монументальных объятиях.

Юй Сянхан не удержался и сделал шаг вперед.

И в эту самую секунду...

Чжоу Цзыфэй резко повернул голову и посмотрел прямо на него через щель.

В его темных, бездонных глазах вспыхнула откровенная, ядовитая насмешка. Губы Цзыфэя беззвучно шевельнулись.

Юй Сянхан обомлел и застыл на месте.

"Ничтожество", — прочитал он по его губам.

Бам!

Снаружи с грохотом перевернулась мусорная корзина.

— Ч-что это? — Шэнь Цзя вздрогнул всем телом. Он тяжело дышал, поднимая покрасневшее, влажное от слез лицо. Губы его горели от укусов и поцелуев.

Цзыфэй спокойно отвел взгляд от двери и поцеловал его в распухшие губы:

— Ничего, кто-то задел ведро.

Потом его ладонь возобновила сбившийся ритм.

— Я что, плохо стараюсь, раз ты отвлекаешься на всякие глупости?

Шэнь Цзя тихо застонал, и налетевший вихрь ощущений снова выбил у него из головы все мысли. Он снова впился пальцами в плечи Цзыфэя, гибкий и нежный, словно цветущая ветвь под порывами весеннего дождя.

...

Наведя порядок, Цзыфэй вытер Шэнь Цзя, напоил водой и усадил к себе на колени на диван.

Он ласково поглаживал его по спине, перебирая влажные волосы.

Спустя несколько минут, когда буря окончательно улеглась, Шэнь Цзя поднял свое пылающее лицо и смущенно посмотрел на него:

— Ты... сделал это нарочно?

Голос его звучал хрипло и сладко, точь-в-точь как капризная просьба.

Цзыфэй удивленно замер и состряпал невинное лицо:

— Что именно нарочно?

Шэнь Цзя ничего не ответил. Он лишь крепче обнял его за талию, уткнулся носом в крепкую грудь и с досадой прикусил его через ткань одежды.

— Оу! — Цзыфэй шикнул от боли, перехватил дерзкого котенка и не больно шлепнул по мягкому месту. Только после этого Шэнь Цзя разжал зубы.

<http://bllate.org/book/19971/1986086>